

ТБИЛИССКАЯ УЛИЦА КАК СРЕДА МУЖСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Евгения Захарова

Евгения Захарова. Адрес для переписки: Музей антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера), 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3. evgenics@gmail.com

В современном грузинском городском обществе помимо таких институтов социализации, как семья, школа и армия, социализирующая функция однозначно признается также за «улицей» — публичной средой, которая дает возможность мальчику, подростку, молодому человеку выйти из-под контроля взрослых. Часто говорят о «школе» или «академии» улицы (аналогичным образом в советском обществе говорили, например, о том, что армия — «школа для настоящих мужчин»). «Улица», *kucha*, в сознании носителей грузинской городской культуры — это особая среда, которая вызывает целый спектр ассоциаций с «разборками», «воровским менталитетом», «уличными понятиями», жизнью городских кварталов.

В последние несколько лет вопрос о необходимости или, наоборот, нежелательности прохождения «уличной академии» стал предметом весьма эмоциональных дискуссий. Эти дискуссии ведутся и в средствах массовой информации, и в частных разговорах, особенно в связи с теми или иными политическими событиями, которые общественное мнение так или иначе связывает с «понятиями» и теми силами (в частности, некоторыми политическими деятелями и партиями), за которыми стоит «улица», за которой, в свою очередь, стоят авторитеты криминального мира (см., например, статьи «“Хорошие парни” в плохой стране», «Не проколись, парень!» (Kai bichebi tsud qvekanashi 2008; Tavi ar gaipucho 2006).

Высокий уровень рефлексии, которую эта тема вызывает в современном грузинском обществе, можно объяснить и повышенным с приходом к власти Саакашвили вниманием со стороны СМИ к «проблеме улицы». Стала активно обсуждаться подростковая преступность. Распространенность «воровского менталитета» в обществе в целом и среди подростков упоминается как одна из причин всплеска уличной преступности в городах. Таким образом, носителями грузинской городской культуры «улица» воспринимается, помимо прочего, как передаточное звено между преступным миром и подростком, иными словами — как агент социализации, который вводит молодого человека в криминальное сообщество¹.

1 Такое восприятие «улицы» прослеживается в публичном дискурсе (см., например, статью «Хорошие парни в плохой стране» (Kai bichebi tsud qvekanashi 2008) и подтверждается моими полевыми материалами.

Дискуссии об этом стали особенно многочисленными и острыми после так называемого «дела Зерекидзе». Четырнадцатилетнего подростка, ранившего ножом человека, весной 2007 года решением тбилисского городского суда приговорили сначала к десяти, а затем, после обжалования приговора и вмешательства правозащитных организаций решением апелляционного суда, к семи годам тюремного заключения. Вскоре после этого вышел закон, снижающий возраст уголовной ответственности до двенадцати лет (Уголовный кодекс Грузии, статья 33, поправка № 4785 от 23.05.2007), что также стало предметом бурных обсуждений на телевидении, в прессе и интернет-пространстве (см. например, онлайн-конференцию «Преступность подростков» (Mozardta danashauli 2007), статьи «Двенадцатилетнего подростка наказание еще больше озлобит» (12 tslis mozards 2008), «Дети в стране, которая принадлежит насильникам» (Bavshvebi qvekanashi 2007). Подростковая преступность и распространенность «воровского менталитета» стали темой различных ток-шоу.

Многие мои информанты говорили о распространенности «уличных понятий» во всех слоях общества (о «понятиях» см. Олейник 2001; Волков 2005; Стивенсон 2006). На интернет-форумах, посвященных этой тематике, также часто можно встретить немало подобных высказываний («по уличным понятиям живут 85% грузин» — Kai bichoba 2007). Приведу в качестве примера следующую цитату: «Проблема как раз в этом и заключается, что в Грузии не нужно даже ходить в окраинные районы или в гетто, чтобы столкнуться с таким мышлением... уличность [*quchuroba*] есть и в престижных кварталах, как у нас говорят, “у детей из хороших семей”» (Kai bichoba 2007).

Таким образом, существует мнение, что влияние «улицы» на подростка не зависит от того, к какому социальному слою он принадлежит.

Уличная жизнь концентрируется преимущественно внутри жилых кварталов. Именно о социализации подростков и молодых мужчин в уличных группах по месту жительства (соседских сообществах) и о том, какую роль в этом процессе играет усвоение «уличных понятий» или «уличного кодекса», я и буду говорить ниже.

Хронологические рамки, которыми я ограничиваю данное исследование — вторая половина 70-х — конец 90-х годов XX века. Выбор промежутка времени определяется доступными мне материалами. Основным источником послужили полуструктурированные интервью, проведенные мною в ходе полевой работы в Тбилиси в августе-сентябре 2007 года. Всего было проведено 29 интервью (три дополнительных интервью были взяты в Петербурге у иммигрантов из Тбилиси), их продолжительность составляла от получаса до четырех с половиной часов, в среднем — час-полтора. Из 25 информантов пятеро женщины, остальные — мужчины, четырнадцать из которых — в возрасте 37–48 лет, шесть — 20–28 лет. Никто из опрошенных в момент интервью не был активным членом уличных групп, опыт же участия в них в прошлом в той или иной степени имели все. Активными участниками уличных групп в прошлом себя назвали шестеро.

Поиск информантов осуществлялся по принципу «снежного кома». Во многом по этой причине в выборку вошли преимущественно люди с высшим образованием или студенты. Пятеро информантов высшего образования не имели. Без-

работными на момент проведения интервью были также пять человек. Нужно отметить, что трижды я столкнулась с отказом от записи на диктофон, в нескольких случаях в ходе интервью меня просили сохранить конфиденциальность некоторых фактов.

Доступ в поле значительно облегчался тем, что я владею грузинским языком, а благодаря тому, что во время работы в поле я жила в семье (представителей интеллигенции: супруг — иранист, переводчик, супруга — художник, их родственники), создались условия для нескольких этнографических и экспертных интервью.

Помимо интервью, в исследовании использовался также анализ документов. Содержательными оказались грузиноязычные материалы дискуссий на тбилисских интернет-форумах («существует или нет *kai bichi* в Грузии» (Arsebobs tu ara, 2007), «*dzvelbichoba*² в народе и в политике, влияние уличных понятий в Грузии» (Dzvelbichoba khalkhshi, 2007), «*dzvelbichoba*» (Dzvelbichoba, 2007) и им подобные), где обсуждаются актуальные для уличной культуры категории и ставятся вопросы о необходимости уличного опыта для молодого человека. Анализ таких документов позволяет определить, как в молодежной среде проблематизируется «участие в уличной жизни», и выделить эмические категории. В качестве источника привлекались также статьи из прессы, которые позволили определить место, которое занимает улица в общественном дискурсе.

Тбилисская улица и квартальное мужское сообщество (ее составляющая часть) как среда относятся к кругу явлений, которые в социологической и антропологической литературе обычно определяются понятием «street corner societies»³. Под этим термином, введенным Уильямом Футом Уайтом (Whyte 1943), понимают сообщества, регулярное взаимодействие членов которых происходит преимущественно в одном и том же публичном пространстве (на перекрестке, площади, на углу улицы и т.п.). Исследования подобных сообществ обычно относят к этнографии улицы, одному из направлений городской антропологии. Подавляющее число работ в этой области проводилось в этнических кварталах США, в основном афро- и латиноамериканских, а также на материале средиземноморских культур. Типологически близки к тбилиским квартальным сообществам средиземноморские общества, где «улица» является естественной функцией квартального сообщества, в отличие от американских, в которых street corner societies зачастую маргинализированы.

Можно обозначить четыре магистральных направления, в русле которых осуществлялись исследования сообществ данного типа: антропология и социология городской бедности, молодежная делинквентность, гендерные исследования и антропология насилия. Предметы этих исследований разнообразны: организа-

2 *Kai (dzveli) bichi* — статус, актуальный для уличной культуры, *dzvelbichoba* — образ жизни, взгляды, стиль поведения, характерные для носителей этого статуса. Объяснение этих понятий дается в разделе 4.

3 Устоявшегося эквивалента этого термина в русской традиции нет. Возможным некалькированным переводом может быть «уличная тусовка» или «компании на перекрестках».

ция уличных сообществ, их динамика и внутренняя структура (Venkatesh and Levitt 2000), уличная идентичность (Vigil 1988; Garot 2007), гомосоциальность и ритуалы мужской маскулинности (Driessen 1983), нормы уличного поведения (Anderson 1999; Jimerson and Oware 2006), насилие и способы им оперировать, социализация подростков (Harding 2005).

На грузинском материале, насколько мне известно, было проведено всего одно исследование, объектом которого выступает «улица» или «школа улицы». Его результатом стала диссертация Яна Кёлера (Koebler 2000). Кёлер рассматривает общественно-политические процессы, происходившие в стране в 1990-е годы (складывание национального движения, формирование военизированной организации «Мхедриони», события гражданской и грузино-абхазской войны) и анализирует роль в этих процессах трех «социальных подсистем» — «школы улицы», «воровского мира» и «разнообразных продолжений семьи и клана». «Школой улицы» Кёлер называет «особое, высоко институализированное уличное сообщество», мужскую уличную субкультуру и утверждает, что она, стирая этнические, религиозные и классовые границы, стала серьезной преградой не только для агитаторов национального движения, но и для формирования государства на принципах законности. Работа Кёлера для моего исследования была полезна в первую очередь тем, что позволила более точно определить границы выбранного объекта, а также стала источником для верификации некоторых находок, касающихся особенностей уличного кодекса.

Из перспективы данного исследования особого интереса заслуживает работа Элайджи Андерсона «Код улицы» (Anderson 1999), написанная на материале негритянских гетто Филадельфии. Прежде всего она интересна тем, что автор дает, возможно, наиболее насыщенное из всех имеющихся на данный момент описание уличного кодекса в действии, а также выделяет категорию «уважения» как центральную для рассматриваемой им уличной культуры бедных негритянских кварталов, что сопоставимо с результатами моей работы.

Интересна также статья Дэвида Хардинга, написанная по результатам полевой работы в афроамериканских районах Бостона (Harding 2005). Хардинг ставит вопрос о том, как молодые люди из бедных кварталов усваивают «оппозиционные», неконвенциональные культурные модели. Он связывает уровень и характер насилия в таких сообществах с возрастной структурой молодежных социальных сетей, указывая на важность старших сверстников и мужчин в процессе уличной социализации. Результаты исследования Хардинга показывают, что именно в тех городских районах, где большое значение имеет межгрупповое соперничество, особенно велик авторитет старших подростков и молодых людей.

1. КВАРТАЛ И СОСЕДСКОЕ СООБЩЕСТВО

Формально Тбилиси делится на шесть крупных административных районов (Дидубе-Чугурети, Ваке-Сабуртало, Исани-Самгори, Глдани-Надзаладеви, Дидгори, Старый Тбилиси). Однако для тбилисцев более актуально неформальное деление города на кварталы (*ubani*). Жители называют его старым, историческим. На

официальном языке говорят о районах, но, например, в криминальной хронике, чтобы точнее локализовать место происшествия, называют убани, согласно «народному» и закрепленному традицией районированию города.

Для идентичности жителей Тбилиси очень важна ассоциация с тем или иным убани. Локальная принадлежность, определяемая ответом на вопрос «ты откуда?», «ты чей?», — важнейший элемент уличной культуры. В подростковой среде вопрос «ты из какого убани?» зачастую задается при знакомстве одним из первых. Люди старшего поколения (60–70 лет) утверждают, что в молодости они могли с легкостью отличить жителей разных убани друг от друга. Многие информанты говорили о существовании убанских особенностей в сленге и сегодня.

Обсуждая вопрос о принадлежности к тому или иному убани или говоря о характерных для него особенностях речи, подразумевают те убани, которые имеют особые народные названия и известные большинству горожан границы. Далее под убани я буду иметь в виду соседское сообщество, воспринимаемое как реальная общность самими его членами и окружающими, а также территорию, с которой это сообщество ассоциируется. Такие сообщества могут совпадать с единицами «народного районирования», а могут не совпадать — почти всегда кварталы (такие как Вера, Мтацминда или Сололаки) состоят из многих соседских сообществ. Под соседским я понимаю сообщество, скрепленное общностью территории проживания, потребностью во взаимной поддержке и взаимоконтроле и соответствующими практиками, а также общей локальной идентичностью. Как о соседском сообществе в этом значении об убани говорят и сами тбилисцы, употребляя это слово в собирательном значении «мои соседи» (например, «тебя ищет весь убани» или «весь убани говорит»).

2. БИРЖА КАК КЛЮЧЕВОЙ ИНСТИТУТ ТБИЛИССКОЙ УЛИЦЫ

Ключевым для улицы и соседского сообщества институтом является «биржа». Само слово «биржа» принадлежит грузинскому сленгу. «Словарь грузинского жаргона» Левана Брегадзе толкует его как «место собрания праздной молодежи под открытым небом», а происхождение слова объясняет ироничной аналогией с финансовыми биржами (Bregadze 2005). Более правдоподобно заимствование смысла из русского языка в распространенном в XIX — начале XX века значении биржи как места ожидания подряда (временной работы) (Даль 1995). Метонимически это название переносится и на группу праздных, ожидающих получения работы.

Внешне биржа представляет собой группу подростков или молодых мужчин, регулярно собирающихся в скверах, у подъездов или гаражей в своем убани. Обычно это примерно пять-десять человек, кто-то из них стоит, подперев ногой стену, кто-то сидит на корточках, кто-то лузгает семечки. Количество времени, посвящаемое бирже, определяется степенью занятости. Школьники, студенты и работающие люди приходят на биржу преимущественно во второй половине дня и по вечерам, безработные могут проводить здесь большую часть дня. Сами носители культуры иногда сравнивают биржу с клубом, а ее участников — с чле-

нами клуба, иногда говорят о ней просто как о месте встречи. Попросив одного из моих информантов-экспертов дать определение биржи, я получила следующую формулировку: «Это чисто тбилисское понятие, ... можно так сказать: убанская тусовка с уклоном в уголовную романтику, но не очень опасная для окружающих» (Г.Р., мужчина, 48 лет, редактор газеты⁴), с добавлением, что участвуют в ней только подростки мужского пола и молодые мужчины. В моем исследовании под «биржей» я понимаю мужское сообщество сверстников, являющееся составной частью более широкого соседского сообщества и взаимодействующее преимущественно в его публичном пространстве.

Биржа — ключевой для тбилисской улицы институт. Говоря об улице, я имею в виду характерную для Тбилиси и предположительно для других городов Грузии и грузинского общества в целом⁵ специфическую социальную систему. Объединяя территориальные сообщества, она строится на взаимодействии трех основных элементов: биржи, полиции и воровского мира — и регулируется нормами обычного права (понятиями).

3. ВХОЖДЕНИЕ В ЛОКАЛЬНЫЙ СОЦИУМ И БОРЬБА ЗА МЕСТО В НЕМ

Для мальчика дошкольного или раннего школьного возраста улица начинается с дворовой компании по играм. Вырастая, он часто уже не может вспомнить, при каких обстоятельствах познакомился со своими сверстниками-соседями по убани, и «общее детство» выступает в качестве важного фактора, скрепляющего их сообщество. До возраста 9–11 лет игры (чаще всего это футбол) становятся основной деятельностью, объединяющей детскую компанию. Происходит освоение своей территории и вылазки на чужую, и эта чужая территория часто встречается не очень дружелюбно. Уже в этом возрасте дети начинают делить окружающее пространство и людей, которых оно вмещает, на «своих» и «чужих». Это противопоставление сначала реализуется в командных играх, которые ведутся «подъезд на подъезд», «корпус на корпус», «убани на убани». Спорные моменты, которые возникают во время таких игр, еще больше актуализируют это противопоставление, становясь поводом для групповых драк. На этом этапе вступает в силу система взаимных обязательств у мальчиков, принадлежащих к одному убанскому сообществу. Главное из таких обязательств — незамедлительно откликнуться на просьбу о поддержке своей группы в случае конфликтной ситуации.

Драки маленьких детей не воспринимаются серьезно старшими мальчиками, но, несмотря на это, они чувствуют себя обязанными выполнять функцию судей и в случае детских конфликтов хотя бы символически «разбирать дело». Дети тоже готовы видеть старших в этой роли и в некоторых случаях сами обращаются к ним за помо-

4 Здесь и далее указан возраст информантов на момент интервью. Интервью с Г.Р. и Дж.К. проводилось на русском языке, остальные цитируемые в статье интервью — на грузинском.

5 Тезис носит гипотетический характер и опирается на беседы с жителями Батуми, Кутаиси, не городских населенных пунктов.

щью, причем рассчитывают на нее и тогда, когда конфликт происходит на чужой территории, с ребятами из другого убани — за старшими посылают гонца. Через общение со старшими дети усваивают нормы уличного поведения и ценности убанской солидарности. Старшие — пример для подражания и беспрекословный авторитет, подчинение старшим по возрасту (всего на несколько лет) и выполнение их мелких поручений трактуется как «воспитанное» и «уважительное» поведение.

Таким образом, уличная культура с раннего возраста нацеливает мальчиков на важность деления окружающих на своих и чужих и определяет нормы и практики взаимодействия, чаще всего носящего характер конфликта. Помимо этого она делит членов сообщества на старших и младших, при этом последние подчиняются первым, признавая их авторитет при разрешении конфликтных ситуаций.

Девятилетний возраст отмечается как начало борьбы за место в уличном сообществе (именно эта цифра звучала во многих интервью). Не имея пока достаточных материалов, чтобы объяснить, почему именно этот возраст отмечается как переходный, могу предположить, что это связано с переходом мальчика из младшей школы в среднюю⁶. Период борьбы мальчика за выгодную позицию в социуме называют «*bichoba*»⁷. Считается, что он завершается с окончанием школы, когда подросток включается в какую-то другую деятельность — начинает работать или поступает в вуз. Однако этот этап может продолжаться еще несколько лет, если подросток оказывается не занят. Слово «*bichoba*» может использоваться и как глагол и обозначать поведение мальчика, включающее действия, направленные на завоевания имени. Приведу пример:

Вот в девять-десять лет, по крайней мере как я это прошел, было так. Вот когда уже начинаешь... уже начинаешь завоевывать место в жизни... Ты уже парень, уже начинаешь самоутверждаться, поэтому хочешь проявить свою силу, проявить в чем-то инициативу и на кого-то надавить, ну что-то проявить... Вот кипит что-то в тебе и ты хочешь через это самоутвердиться (Г.Н., мужчина, 22 года, студент).

Период *bichoba* ассоциируется с постоянными «разборками» и драками, о которых говорят как об отдельной сфере деятельности («налегать на разборки»). «Разборки» и «драки» структурируют и оформляют уличное сообщество, в них определяются социальные позиции, выделяются лидеры.

6 Нужно отметить, что роль школьных компаний, кружков и пионерских лагерей в советское время в городах РСФСР для социализации подростков была существенно выше, чем в Грузии. Так оно осталось (относительно школьных компаний и кружков) и в постсоветское время.

7 «*Bichoba*» — производное от существительного «*bichi*» — «мальчик, парень». Слово «*bichi*» участвует в образовании нескольких понятий: «*kai bichi*» — «хороший парень», «классный парень», «*patiosani bichi*» — «честный парень», «*dedikos bichi*» — «маменькин сынок», «*dzveli bichi*» — «старый парень» (и производные от него имя действия «*dzvelbichoba*» — «быть *dzveli bichi*» и прилагательное «*dzvelbichuri*» — «свойственный *dzveli bichi*»). Содержание этих понятий я разъясню в следующем разделе.

4. МОДЕЛИ И АГЕНТЫ УЛИЧНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Уличная культура предлагает подростку готовые модели социализации. Одновременно они являются и ролевыми моделями, которые имеют свои обозначения, присутствующие в уличном дискурсе. Эта система ролевых координат строится на трех основных позициях: *dzveli bichi* («старый парень») (примерно с 1990-х годов стал использоваться также термин *kai bichi* — «хороший парень», «класный парень»), *patiosani bichi* («честный, порядочный парень») и *dedikos bichi* («маменькин сынок», в уличном дискурсе используются различные пейоративные обозначения).

Важнейшая роль, которая служит точкой отсчета в уличном сообществе, — *dzveli bichi*. Суть эмических определений, которые даются этой категории, сводится к двум обязательным составляющим — жизни «по воровским правилам и идеологии» и желанию сделать карьеру в воровском мире. Такая ориентация предусматривает желательность тюремного опыта, который считается «пропуском» в воровской мир (две другие категории такого опыта не предполагают). *Dzveli / kai bichi* можно рассматривать и как роль, и как статус. Говоря об этой категории как о статусе, я имею в виду необходимость признания молодого человека таковым авторитетной частью биржи. Статус *dzveli / kai bichi* воспринимается как первая ступень в общей иерархии «воровских статусов», которую венчает звание «вора в законе». Эта категория ассоциируется прежде всего с подростковым возрастом — вплоть до окончания школы, хотя может быть применима и к более взрослым молодым мужчинам. *Dzveli / kai bichi* могут назвать и двенадцатилетнего подростка, главное, чтобы за ним было признано наличие соответствующего опыта — опыта преодоления «серьезных» проблем, связанных с большими рисками. Об опытности и отсутствии в биографии известных сообществу случаев совершения «ошибок» — нарушений «воровских правил» — говорят как о главных требованиях, необходимых для завоевания этого статуса. Претензия индивида на статус, который сообщество за ним не признает, сообществом карается.

Категория *dzveli bichi* ассоциируется с «блатным» стилем поведения или «имиджем». Этот стиль определяет походку, одежду, манеру говорить, тембр голоса и легко читается любым носителем культуры. Приведу пример того, как информантка иллюстрирует разницу между двумя ее сыновьями:

Как только он появится в дверях, сразу же скажешь — это другой парень. Я вовсе не говорю, что плохой парень. Манеры у него такие, как у *dzveli bichi*... Поведение, манеры, руками... Говорит руками, разберет тебе любой вопрос, скажет. Движениями, походкой, всем отличается. Совершенно другой стиль одежды. Руки в карман, если стоит на остановке или ждет машину, сутулая походка, ну отличается он (Дж.К. — женщина, 47 лет, мелкий предприниматель).

Усвоение этого стиля может быть осознанным процессом, что хорошо иллюстрирует роман Лаши Бугадзе «Последний звонок» (2004), главный герой которого, шестнадцатилетний подросток, пытается стать *dzveli bichi*, чтобы завоевать рас-

положение девушки, которая ему нравится. Он сознательно меняет манеру говорить, походку, стиль одежды, пытается сблизиться с теми подростками, за которыми этот статус признан. *Dzveli bichi* — с одной стороны, маскулинный образец, а с другой стороны — образ, который связывается в культуре с категорией молодости и предоставляет подросткам одну из важнейших точек отсчета для построения идентичности.

Две следующие категории — «маменькин сынок» и «честный парень» — объединяются тем, что ни одна из них не предполагает претензии на воровскую карьеру. Но от «маменькиного сынка» «честного парня» отличает то, что он обладает «*vazhkatsoba*» — мужеством в понимании набора положительно окрашенных маскулинных качеств. Соотношение этих ролей можно представить также через приписываемую им меру насилия и его направленность: *dzveli bichi* — источник насилия, *честный парень* — нейтральный, но способный на насилие, маменькин сынок — страдающий от насилия и неспособный на него ответить.

Те, кого относят к категории «маменькиных сынков», действительно могут стать жертвами агрессии со стороны *dzveli bichi*. Приведу следующий пример:

Я шел на компромиссы. Я любил музыку, и я читал. Музыка была на пластинках. Я с пластинками не ходил, потому что это было опасно. Таких людей называли «Бетховена»... что было близко к тому слову, которое «педераст», которое очень неосознанно использовалось. То есть все слабые были педерастами... Ну и так и было, что нельзя было пройти с пластинками или в очках в убани мимо таких парней, где они стояли (Р.А. — мужчина, 35 лет, поэт).

Реакция на «маменькиного сынка» чаще всего принимает форму насмешек, оскорблений, денежных поборов, эксплуатации. Перед подростком встает выбор: стать жертвой или быть способным прибегнуть к насилию в тех ситуациях, когда от него этого ожидают.

Таким образом, уличная культура предлагает иерархию маскулинностей, на одном полюсе которой находится ролевая модель *dzveli bichi* как труднодостижимый идеал доминирующей и агрессивно гетеросексуальной маскулинности, а на другом — *маменькин сынок*, ассоциирующийся прежде всего с гомосексуальностью. Агрессивное маскулинное поведение социально конструируется в процессе уличной социализации, в том числе через необходимость противостоять насилию в подростковом сообществе. Приведу в качестве примера следующую цитату из интервью: «Естественно, и у меня было, я исполнял эту конъюнктуру, что из-за каких-то моих проблем я и дрался, и разговоры были у меня с этими парнями, с этими типами» (Р.А. — мужчина, 35 лет, поэт).

Эта трехчленная система ролевых моделей сопоставима с известным тюремным разделением на «воров», «мужиков» и «опущенных⁸» (см., например, Ефимова 2004).

Помимо ролевой модели, которая существует в культуре вообще, для формирования роли требуются конкретные образцы. Для мальчика, стремящегося к ста-

8 В восьмом разделе об этом речь пойдет подробнее.

тусу *dzveli bichi*, такими образцами становятся *dzveli bichi* из ближайшего окружения, которые на три-четыре года старше.

По мере взросления подростки могут рассчитывать на все большее внимание со стороны старших. У 14–15-летнего подростка появляется *взрослый брат* (*vzrosli*) — имеющий статус *dzveli bichi* молодой человек 22–24 лет, старший друг, с которым подросток консультируется и на защиту и помощь которого рассчитывает. *Взрослый брат* воспринимается подростком как наставник, и отношениями с ним гордятся («Я выращен моим взрослым братом, он меня поставил на улице, такое было» — И.Д., мужчина, 21 год, студент). *Взрослые братья* — те авторитеты, к которым обращаются подростки за помощью в разрешении конфликтных ситуаций, если «разбор дела» собственными силами не приводит к положительному результату.

В соседском сообществе обычно выделяется еще одна возрастная группа более старших, обычно 35–45-летних мужчин, которые непосредственно уже не участвуют в уличной жизни, но обладают высоким статусом благодаря своему когда-то успешному и активному участию в бирже. Многие из этих мужчин имеют тюремный опыт, что вместе с безупречной уличной репутацией делает их признанными авторитетами для более молодых. Эти старшие мужчины поддерживают связь с действующей биржей и считают своей обязанностью контролировать и наставлять младших, которые, в свою очередь, используют свое право обращаться к ним за советом и помощью.

Сходную картину возрастной структуры соседского сообщества применительно к бедным негритянским кварталам Бостона рисует Дэвид Хардинг (Harding 2005). В рассматриваемых им соседских сообществах он выделяет три возрастных группы: «маленькие ниггеры» — подростки-тинэйджеры, «старшие мужчины» — молодые люди 18–23 лет и «старые гангстеры» — ветераны прошлых «заварушек», находящиеся на вершине социальной иерархии. Описываемая Хардингом система отношений между старшими и младшими группами (помощь, покровительство и контроль) в негритянских кварталах аналогична системе, действующей в соседских сообществах Тбилиси.

Вступая в отношения покровительства, обе стороны улучшают свою репутацию. Старшие, принимая младших под свое покровительство, играют роль «взрослых» и завоевывают тем самым более высокую репутацию как среди ровесников, так и среди младших по возрасту. Такой же механизм действует в отношении репутации младших. Как среди ровесников, так и среди старших она улучшается за счет престижа, который дает внимание члена старшей возрастной группы. Таким образом, старшие сверстники выступают важными агентами социализации в тбилисских уличных группах.

5. УСВОЕНИЕ УЛИЧНОГО КОДЕКСА — НАБОРА НОРМ УЛИЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Все молодые люди, будучи «по праву рождения» включенными в убанское сообщество сверстников, независимо от степени интегрированности в него долж-

ны хотя бы в минимальной степени овладеть уличным кодексом. Опираясь на определение, данное Джимерсоном и Овером (Jimerson and Oware 2006), которые совмещают этнографический и этнометодологический подходы, я понимаю под «кодексом» набор норм уличного поведения — одновременно и предписывающее, и интерпретативное средство. Предписывающим оно является потому, что может использоваться как руководство, инструмент для принуждения других к тем или иным действиям, а интерпретативным потому, что оперирование им является средством оправдания того, как люди поступают по отношению друг к другу.

Кодекс, используемый в тбилисских уличных подростковых сообществах, обозначается эмическим термином «воровские правила», или просто «воровское». О «воровском» говорят как об «уличных понятиях» или «законе улицы» — наборе предписаний и норм, которые определяют «правила игры» в этом пространстве. Кодекс строится на простой оппозиции, он утверждает «воровское» и осуждает «сучье», определяя любого человека как правого либо неправого.

Информанты идентифицируют «воровское» с «воровским законом». Я не ставлю сейчас задачу установить, тождественны ли нормы уличного кодекса блатному. В данном случае я хочу рассмотреть, как этим кодексом оперируют, как он усваивается и какие ресурсы предоставляет.

Нормы, диктуемые кодексом, воспринимаются как раз и навсегда установленные, и их легитимность не подвергается сомнению. Кодекс усваивается через повседневное взаимодействие ребенка на улице со сверстниками и старшими, причем наиболее компетентными носителями кодекса считаются те, кто обладает наибольшим статусом на бирже — *dzveli bichebi*. Мера компетентности также связывается с возрастом, при равном статусе более компетентным всегда будет старший.

Кодекс осознается как набор правил и является эксплицитным, его обсуждают и ему учатся, в том числе сознательно, задавая вопросы более старшим и авторитетным. Главным источником таких знаний для подростка может стать общение со «взрослым братом», которому он, пытаясь прояснить для себя тонкости кодекса, задает конкретные вопросы. Приведу в пример слова информанта: «Взрослые, я понимаю, что они больше меня видели, у них больше опыта, и я хочу спросить совета, что делать, и пришел ко взрослому брату и спросил, он меня научил... То, что ты спрашивал, он на это отвечал. Что правильно, что неправильно, в какой ситуации что нужно делать» (И.Д., мужчина, 21 год, студент).

Подросток может дистанцироваться от убанского сообщества и минимизировать свое участие в нем, но он не может не подчиняться нормам уличного кодекса. Характерен пример, который привел один информант, рассказав, что разрешение конфликта, произошедшего между участником биржи и комсомольцем, который в бирже не участвовал, также требовало использования кодекса: «Он, ясно, не участвовал в бирже. Но если между ними случался конфликт, обязательно разбирали его по воровским правилам» (Д.Дж. — мужчина, 48 лет, переводчик, рассказывает о своей юности, то есть приблизительно о середине 1970-х годов).

Необходимый уровень глубины овладения кодексом зависит от того, какую стратегию позиционирования себя в сообществе выбирает подросток и претендует ли он на воровскую карьеру. Однако минимальное знание кодекса необходимо для того, чтобы осуществлять повседневную коммуникацию в уличном сообществе. «Правило существовало. Неписанные законы, которые до конца я так и не смог постичь, даже тогда. Всего я не знал, меня и не интересовало. Я знал бытовые, так сказать, правила, которые были необходимы для общения. О криминальной карьере я не думал... и поэтому для меня не было необходимо все это знать» (Д.Дж., мужчина, 48 лет, переводчик).

Кодекс особенно интенсивно актуализируется в конфликтных ситуациях, и наибольшей компетентности в нем требует формат разборки. Искусство оперировать кодексом оттачивается на бирже, где процесс разборки обсуждается и оценивается биржевиками.

Кодекс воспринимается как регулятор насилия на улице. Считается, что, безапелляционно определяя через процедуру «разборки» «правого» и «неправого» в конфликте, он позволяет исключать появление у одной из его сторон оснований вернуться к этой ситуации снова. Проиллюстрирую это словами информанта (И.Д., мужчина, 21 год, студент): «Шло выяснение правого и неправого. И в конце все шло к тому, чтобы помирить их. Это все было для того, чтобы между ними не оставалось какой-то обиды. Если я кого-то побил, у него останется агрессия, и это никогда не закончится».

Определение того или иного поступка как справедливого требует обращения к кодексу, и овладение умением им оперировать дает право на справедливость, которая будет признана как таковая всем сообществом. Так, по словам того же информанта, «воровское — это правда. Эта правда не содержит десять заповедей. Речь о правде уличной жизни» (И.Д., мужчина, 21 год, студент).

Четкие нормы, диктуемые кодексом, являются дополнительным ресурсом в борьбе за статус на улице, давая возможность безоговорочно определить «правого» и «неправого» и позволяя сделать завоевание или потерю имени неоспоримым и очевидным фактом. Четкость этих норм — только декларативная, не предполагающая автоматизма в действии. Всегда требуется судья. Вопрос в том, кто истолковывает нормы и кто делает это ловчее и находчивее. Сами нормы не определяют ни то, на какие конкретные ситуации они распространяются, ни то, как в каждом случае их реализовывать. Именно поэтому нормы — ресурс для манипулирования.

6. БОРЬБА ЗА «ИМЯ» И МАНИПУЛИРОВАНИЕ КОДЕКСОМ КАК ОДНА ИЗ ЕЕ СТРАТЕГИЙ

Социализация подростков в уличном сообществе подразумевает непрерывное самоутверждение — борьбу за *имя* («репутация», публичное «лицо»). Это главный капитал, который стремятся завоевать, а завоевав — сохранить. Это экс-

плицитная категория, присутствующая в дискурсе. Элайджа Андерсон на материале бедных негритянских кварталов Филадельфии выделяет в качестве такой категории *уважение*, которое дает гарантию, что с индивидом будут обращаться надлежащим образом, так, как он того заслуживает. Андерсон показывает, что, когда на кону стоит вопрос уважения, могут последовать жесткие конфликты, которые потенциально могут вести даже к гибели одного из участников. Правила кодекса предоставляют рамку для оперирования вопросами уважения.

В тбилисских уличных сообществах неприкосновенность имени постоянно ставится под вопрос, для чего существует множество возможностей. Угрозу имени представляют как собственные «ошибки» (поступки, не соответствующее нормам кодекса), так и действия окружающих. Чаще всего это может быть прямое словесное оскорбление, нанесенное самому человеку или кому-то, кто находится под его покровительством (особенно сестрам и подругам), претензия на материальный капитал (деньги, одежда, мобильные телефоны и другое). Если подросток не претендует на воровскую карьеру, его имя несколько менее уязвимо и ущерб ему квалифицируется как *провал*. Если же он имеет такую претензию, то к ущербу, нанесенному имени, добавляется еще и ущерб статусу — *gari-cheba* (порча, «опущение»), что пресекает для него возможность воровской карьеры.

Ценность имени и постоянный страх, что на него может быть совершено посягательство, заставляет подростка быть очень чувствительным к любой, даже мнимой угрозе, причем чем больший престиж в сообществе он завоевывает, тем больше повышается эта чувствительность — больше поставлено на карту: «Нельзя прощать грубый ответ. Надо сказать: “Что тебя заставляет кричать, парень?” Нельзя прощать ни малейшего оскорбления» (Г.Н., мужчина, 22 года, студент).

Нанесение угрозы чужому имени позволяет повысить собственный престиж. Это возможно через *dachagvra* — «притеснения». Собирательная категория «*дачагавра*» широко присутствует в дискурсе и обозначает разного рода насильственные и унижающие действия: «Или была и такая категория людей... человек мог быть совершенно невиновным и совершить какую-то совсем маленькую ошибку, все люди ошибаются, он совершал маленькую ошибку, и этот его бил по голове, притеснял, чтобы в массе поднять свой авторитет» (И.Д., мужчина, 21 год, студент).

Любая угроза имени требует незамедлительного действия, поскольку, если это действие не последует, угрозы будут умножаться: «Шел нажим. Постоянно друг на друга давили. Как козлы рогами. И если раз стерпел оскорбление, то потом трудно оттуда выбраться. Потом... ты все время под пинком» (Г.Н., мужчина, 22 года, студент).

Это же показывает и Элайджа Андерсон на своем материале: «Возвышение себя в значительной мере зависит от опущения другого» (Anderson 1999: 75).

Один из способов, которым пользуются подростки с целью повысить свой уличный рейтинг, становится возможным благодаря владению кодексом и умению успешно им оперировать. Этот способ заключается в том, чтобы, внимательно

слушая потенциальную «жертву» и выискивая несоответствие ее слов кодексу, уличить в этом несоответствии и, что называется, «срезать (провалить) на слове». Другой способ — поставить поведение или слова собеседника под вопрос, то есть предложить «объяснить» свои слова или поступок (найти им обоснование в рамках кодекса). Если жертва не может найти убедительной аргументации, это наносит прямой ущерб ее имени: «Ты должен объяснить свои поступки. Вот я это переложил сюда [перекладывает зажигалку. — Е.З.], ты меня спрашиваешь — зачем, я должен объяснить. Вот ты мне сказала: “ты ж.па”, — я спрашиваю, почему ты это позволяешь себе?» (И.Д., мужчина, 21 год, студент).

Для завоевания имени необходимо быть способным на дерзкие поступки и совершать их. Под дерзким поступком подразумевается любой поступок, связанный с риском, и чем больше риск, тем больше этот поступок добавит в общую копилку имени. Одну из самых доступных возможностей проявить дерзость предоставляет совершение какого-либо противоправного действия, причем ценен в данном случае не столько материальный результат, сколько сам факт содеянного. Приведу два показательных примера:

Информант: Мы с моим дзмакаци⁹, когда были эти беспорядки, взломали будку, что-то нам в голову взбрело. Ну не знаю, в этом, в хулиганском понте... И думали, что мы крутые масти.

Собиратель: А зачем вам это было нужно?

Информант: Ну поблатовали среди дзмакацеби, мол, смотрите, что мы сделали (Н.К., мужчина, 25 лет, художник).

Очень многих грабили из-за одежды. И тем более... Если ты выходил на биржу в джинсах. Иногда могло быть, что ты и сам их купил, но говорил, что, мол, я вот с того типа снял (Д.Дж., мужчина, 48 лет, переводчик).

Тех, кто завоевывает имя прежде всего через совершение (невербального) действия и при этом готов идти на большие риски и не думать о последствиях, называют *исполнителями*. Приведу пример из интервью, свидетельствующий об акценте на ценность «сделанного»: «Часто можно было слышать эти фразы: “Что у тебя, парень, сделано?” То есть что ты видел в этой жизни, ты, мальчик, выращенный на паркетке? Часто друг другу такие фразы говорили» (И.Д., мужчина, 21 год, студент).

Заработать имя позволяет также изошренное знание нюансов кодекса и умение ловко им оперировать. Обладающих такой способностью называют «говорящими», именно эти люди обычно играют ведущую роль в «разборках» и имеют большие шансы стать лидерами биржи. Приведу случай, изложенный информантом в качестве иллюстрации ораторского искусства «говорящего» с его биржи, ко-

---

9 «*Dzmakatsi*», множ. «*dzmakatsebi*» — сленговое слово, означающее «друг», «кореш». Воспринимается как «городское» и более «мужское», чем просто «друг» («*megobari*»).

торый сумел убедить пришедшего с оружием члена другой биржи признаться в своих агрессивных намерениях:

Информант: А вот у него [«говорящего». — Е.З.] была манера и способность говорить. Он был такой, что, если был разбор дела, говорил он, а лидер потом говорил «да, да» и что-то такое. И он столько говорил с ним, я помню, сказал: «Ты сюда что, драться пришел?» А тот ему: «Нет, я чист». И как-то он так с ним поговорил, что тот засунул руку в карман и сказал: «Да, я пришел с бритвой».

Собиратель: А как он так сумел на него подействовать?

Информант: Ну как-то логически... что-то привел в пример. «Ты сюда пришел потому, что там он, тогда там... он там был. Ты почему сюда пришел один, чтобы кто-нибудь тебя не заподозрил, а ты в это время свое дело тихо бы сделал». Нет, мол. «О тебе в твоём убани я спросил о тебе, и ты не тот уровень, чтобы, скажем, твою биржу сюда привести ради тебя. Может быть, ты и неправый, то да се. А раз ты хочешь покрыть свою ложь, хочешь что-то сделать тихо, так пришел». Короче, тот так ничего и не смог сказать, и сам вытащил, мол, вот, я с бритвой пришел (Д.Дж., мужчина, 48 лет, переводчик).

О необходимости владения специфическими навыками и приемами коммуникации пишет и Светлана Стивенсон применительно к понятиям казанских территориальных группировок: «Он должен уметь говорить так, чтобы обеспечить себе уважение и признание, установить свое превосходство, не прибегая к насилию. Члены группировки очень гордятся умением правильно построить взаимодействие» (Стивенсон 2006: 102).

В уличной среде высоко ценится искусство жеста — умение совершить нестандартный, не продуманный заранее и часто рискованный ход. Кёлер в своей работе приводит историю, в которой 13-летний *dzveli bichi* нападает на студента, которого он считал «маменькиным сынком», чтобы отобрать у него куртку (Koehler 2000:57). Когда жертва, несмотря на направленный на нее пистолет, отказывается отдать вещь, нападающий совершает, казалось бы, бессмысленный поступок — передает пистолет жертве со словами: «Если ты считаешь, что можешь мне противостать, докажи». Такое поведение выглядит безрассудным, но оно оправдано в условиях уличной среды — в случае счастливого исхода рассказ о таком жесте будет передаваться из уст в уста всем сообществом¹⁰.

На имя благоприятно действует наличие шрамов, однако не любых. Имеет значение место ранения: шрам на ягодице считается оскорблением, а на лице — «сучьим шрамом», знаком, свидетельствующим о стукачестве.

Процедура «разборки» представляет собой непосредственный способ оперирования именем, который позволяет через установление факта нарушения ко-

---

10 Эпизод заканчивается тем, что студент принимает из рук грабителя пистолет, спрашивает о его возрасте и, получив ответ, со словами «я не стреляю в детей» приставляет пистолет к своему виску и спускает курок (выстрел не последовал, поскольку пистолет оказался неисправным).

декса обвинить или оправдать. Биржа позволяет зафиксировать изменения, произошедшие с именем человека, и сделать их достоянием более широкого соседского сообщества. Ее участники пересказывают друг другу истории о «подвигах» и случаи «порчи / опущения» и «провалов». Биржа и сама по себе представляет сцену, на которой разыгрываются вопросы имени:

На этой бирже уже происходит и это, вот по отношению друг к другу, допустим, я от взрослых слышал: и кайф¹¹, и притеснения друг друга, вот хотя бы и эта биржа — это одно из мест, чтобы людям, массе, показать свои возможности... С кем-нибудь случится у тебя ссора, и ты ему даже одного слова не простишь и так далее, и это у человека в подсознании (И.Д., мужчина, 21 год, студент).

Таким образом, социализация подростка подразумевает усвоение уличного кодекса — необходимого инструмента для коммуникации в уличном сообществе, ресурса, предоставляющего дополнительные возможности для завоевания имени, а также средства, позволяющего сделать это завоевание более очевидным для всего сообщества.

7. УЛИЧНЫЙ ОПЫТ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ МУЖЧИНЫ

Проводя интервью, я столкнулась со сложностями, которые были вызваны тем, что значительная часть моих информантов в самом начале разговора или даже еще раньше, в тот момент, когда мы договаривались об интервью, старались сразу же провести разделительную черту между собой и улицей, заявляя приблизительно следующее: «Я был далеко от всего этого». Казалось, что после этой фразы брать интервью не имело смысла. Однако в ходе последующего разговора оказывалось, что провозглашаемая «далекость» в действительности вовсе не свидетельствовала о невключенности информанта в уличное сообщество. И для человека, чьи интересы и жизненные ориентиры уже давно вышли за пределы соседского социума, подтверждение достойного места, которое он в нем занимал, продолжает иметь большое значение. Даже тогда, когда информанты позиционировали свой случай выстраивания отношений с улицей как исключительный и говорили о себе как о «белой вороне» (имея в виду, что все, что было актуально для их «уличных» сверстников, оставалось за пределами их круга интересов), целью ремарок, которые они делали в ходе интервью, было показать, что они пользовались в этом сообществе некоторым уважением.

Представляется, что существует биографический шаблон, принятый обществом и воспринимающийся как нормальный, в котором «улица» должна обязательно присутствовать в жизни подростка. Большинство участников форумов утверждают необходимость для каждого в той или иной степени пройти «школу

---

11 Одно из значений слова «кайф» в грузинском сленге — насмешки, подшучивание.

улицы». Однозначно отрицательное отношение к этому опыту — редкое исключение. Уличный опыт считается необходимым прежде всего потому, что он испытывает человека, учит его преодолевать любые жизненные трудности. Его сравнивают с опытом, который дает армия. Так, по словам одного информанта, «человек, который пожил той жизнью, в жизни всегда найдет дорогу, такой человек почти все видел, у него был очень серьезный опыт». Многие информанты говорили о том, что улица учит искусству отношений, дает возможность научиться выбирать правильную линию поведения и ориентироваться в самых разнообразных ситуациях. Без этого опыта «ты что-то вроде инопланетянина». Улица рассматривается как главный воспитатель маскулинности, необходимый этап, который должен пройти мальчик, чтобы стать настоящим мужчиной («Улица — это школа, которая должна тебя сформировать как мужчину! Чтобы стать мужчиной, тебе не поможет ни образование, полученное в школе, ни семья!» (Rok/metal kulturis mimdevrebi 2007)).

Из вышеприведенных примеров становится понятно, почему «уличный этап» жизни рассматривается как необходимый в биографии: не иметь этого опыта — значит подвергнуть сомнению свою мужественность и приспособленность к жизни. Поэтому не удивительно, что важным для идентичности может быть не только простое обладание этим опытом в прошлом, но и высокий статус, занимаемый в уличном сообществе в молодости. Приведу пример из интервью: «Нет человека, у кого не было бы комплекса *dzvelbichoba*. Он может быть хорошим режиссером, и никого не интересует, кем он был в молодости, а он скажет: “Я в молодости был *dzveli bichi*”. А он не был. Я уверен, что он не был» (P.A., мужчина, 35 лет, поэт).

Однако степень погруженности подростка в жизнь биржи в его период *бичоба* может быть разной. Нормальный жизненный сценарий подразумевает, что с поступлением в вуз, началом работы или другой «взрослой» деятельности биржа вообще должна утратить значение в жизни мужчины. Приведу цитату из интернет-форума, участники которого обсуждают вопрос о необходимости уличного опыта. Автор высказывания позиционирует себя как обладающего обширным уличным опытом человека, но все же говорит о том, что в какой-то момент необходимо остановиться и выбрать другой путь: «Я и улицу видел, и абсолютно все, что с улицей связано; меня и задерживали, и отпускали, я и воровал, и отнимал, у меня до сих пор есть старые *дзмакацеби*, но нет, ну... Я хочу сказать, что и улица — это хорошо, но вовремя нужно прийти в себя» (Rok/metal kulturis mimdevrebi 2007).

Моментом выбора, который должен сделать подросток между дальнейшим укреплением своего авторитета в местном сообществе с возможностью последующей воровской карьеры и карьерой за пределами локального сообщества, обычно считается 16–17-летний возраст. С этого времени от молодого человека ожидается, что он постепенно будет сужать свои связи с биржей, связывая это с недостатком свободного времени и сменой жизненных ориентиров в пользу образования, создания собственной семьи или карьеры вне соседского сообщества.

8. ПОПЫТКА ИНФОРМАНТОВ НАЙТИ ОБЪЯСНЕНИЕ СУЩЕСТВОВАНИЮ БИРЖ

Информанты пытались найти объяснение существованию бирж, распространенности и популярности «дзвелбического» стиля и называли разные причины. Те из них, чья молодость приходилась на вторую половину 1970-х годов, склонны объяснять это явление чувством протеста против власти государства.

Приведу в качестве примера высказывание информанта: «Скажем, раньше существовали такие понятия, и через это противостояли существующей ситуации, государственной политике. Это в принципе протест против любой власти. И я думаю, что во всех странах так» (Д. Дж., мужчина, 48 лет, переводчик).

Об этом же говорит Мартин Санчез-Янковски (Jankovski 1991), объясняя лояльность членов соседского сообщества к местным бандам. Банды воспринимаются как агенты сопротивления несправедливому, по мнению членов соседских сообществ бедных кварталов, социально-экономическому порядку. В негритянских кварталах Филадельфии, о которых пишет Элайджа Андерсон, уличная культура также противопоставляется культуре доминирующего белого общества (Anderson 1999). Для Грузии можно было бы говорить, вероятно, о стойком неприятии официальных институтов власти и правопорядка, сформировавшемся у общества в советские годы. Это тем более понятно, что посты в государственных структурах всегда использовались теми, кто их занимал, для достижения неофициальных, недекларируемых целей (обеспечения личного благосостояния), и это было совершенно само собой разумеющимся, «естественным». Поэтому человеку, который отвергал двоемыслие и стремился следовать представлениям о чести, только и оставалось, что попытаться «выпасть» из готовых жизненных сценариев и иерархий. Между тем в обществе уже существовала целая сфера, не вполне подконтрольная государству и жившая с ним в симбиозе, — преступность. «Блатные» и ориентировавшиеся на воровской закон и подражавшие им уличные авторитеты местного значения относительно свободны от принуждения государства, даже находясь в местах заключения: у государства свои законы, у них — свои. И эта логика, как представляется некоторым информантам, может отчасти объяснять распространение «понятий» и среди сегодняшних подростков.

Другое встречающееся объяснение довольно курьезно и связано со стереотипами маскулинности и представлениями о стереотипном поведении девушек. Считается, что женщины не только одобряют, но даже требуют от мужчин агрессивного мужественного поведения. Мужественность принято демонстрировать перед подругой. Приведу в пример цитату из интервью с одной информанткой:

Они [девочки. — Е.З.] требуют этого от мальчиков. Вот тут пятнадцатилетняя девочка сделала так, что ее молодой человек убил, она не отставала от него, пока он не пошел его бить, просто он потом убил случайно. Девочки обуславливают это в основном, да. Потому что если что, маменькин сынок не сможет защитить (Л.Н. — женщина, 34 года, психолог).

В качестве еще одной причины многие информанты называли проблему безработицы, говоря, что для нетрудоустроенной молодежи биржа — единственный способ реализоваться. Это действительно может быть справедливым, особенно для 1990-х годов, когда экономический кризис и безудержный рост цен серьезно обострили социальные проблемы. Из-за остановки большинства промышленных предприятий многие горожане лишились работы, а зарплаты тех, кто был трудоустроен, часто не обеспечивали даже прожиточного минимума. Регулярными стали перебои с обеспечением электроэнергией, теплом, водой, счета за которые могла оплачивать лишь незначительная часть населения. Школы и университеты также работали нестабильно. Многие информанты говорили о том, что в 1990-е годы школьное образование находилось на очень низком уровне, а учеба в высших учебных заведениях вообще зачастую была фиктивной. Огромных масштабов достигла коррупция, те немногие сферы деятельности, которые приносили доход, были распределены между сильными семейными группами, часто близкими к политической элите. Не удивительно, что при невозможности получения качественного образования, трудоустройства, нормальной карьеры многие молодые люди выбирали единственный доступный для них способ самореализации — построение карьеры в местных квартальных сообществах.

9. ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ НА МАКРОУРОВНЕ И ПЕРЕМЕНЫ В УЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Рефлексия на тему уличной жизни дополнительно стимулируется тем, что информанты ощущают значительные изменения, происходящие в обществе.

В последнее пятилетие — после прихода к власти Михаила Саакашвили — государство стало предпринимать показательные меры борьбы против улицы и всей системы неформальных связей и теневой экономики, строящейся на «понятиях». И представителям политической элиты, и рядовым гражданам Грузии очевидно, что эта система насквозь пронизывает грузинское общество уже многие десятилетия, придавая ему стабильность и видимость спокойствия, в том числе и на улицах, в промежутках между бурными политическими и военными событиями, вызванными борьбой элит¹². С точки зрения сегодняшней власти, вся эта система, составной частью которой является «улица», представляет собой инструмент коррупции и лоббирования своих интересов разными группировками криминальной части общества. Соответственно провозглашается задача кардинальным образом

---

12 См., например, речь Михаила Саакашвили, обращенную к студентам Государственного технического университета: «Вы ведь видите, какие корни в Грузии пустила организованная преступность — она проникла во все сферы общества без исключения и обладает рычагами воздействия на общественную мысль. Она проникла и в политику, и такие политики вышли на улицу, чтобы защитить бандитов, что я нахожусь в глубоком недоумении». Далее президент рассуждает о «ka'i bichi» и убанских смотрящих как о представителях организованной преступности (Saqartvelos prezidentma mikheil saakashvilia, 2005). На интернет-форумах часто можно встретить замечания, содержание которых сводится к тому, что «...по уличным понятиям живут 85% грузин» (Ka'i bichoba 2007).

изменить механизм поддержания порядка в обществе в целом и на улице в частности. Среди мер, предпринятых властью в этом направлении, можно назвать принятие закона, карающего как «членство в воровском мире», так и сам факт «бытия вором в законе», что определяется через признание себя таковым (Уголовный Кодекс Грузии, статья 223–1, поправка № 2937 от 28.04.2006), широкое освещение в прессе уголовных дел и приговоров, вынесенных ворами в законе и высоким чиновникам, обвиненным в коррупции, показ по телеканалам сюжетов, изобличающих «аморальное» и несовместимое с «воровскими законами» поведение воров в законе. Среди мероприятий, целью которых провозглашается снижение уровня преступности среди подростков, можно назвать программу «Безопасная школа», которая подразумевает меры, призванные усилить контроль над школьниками и повысить их правосознание. В числе этих мероприятий — учреждение в школьной структуре позиции «спикера-полицейского», уполномоченного наблюдать за поведением учащихся и проводить с ними воспитательные семинары, введение учебного предмета «Правовая культура» (его приоритетные темы — «Отношение ученика с законом», «Санкции, которые могут касаться несовершеннолетних», «Организованная преступность»), усиление внимания к работе убанских инспекторов с подростками, создание электронных баз личных дел школьников, выработка «кодекса поведения ученика». Государство претендует на монополию на насилие и стремится взять под свой контроль те сферы, которые раньше были вотчиной воровского закона и территориальных молодежных группировок. Объявленная правительством борьба с воровским миром и ее целесообразность становятся предметом обсуждения. С результатами этой борьбы связывают увеличение «беспредела» — неконтролируемого ворами бандитизма.

Приведу в пример следующее высказывание одного из участников интернет-форума: «А не скажете ли вы мне, почему на улице умножился “беспредел”?¹³ Случайно не потому, что перевыполняется гениальный план замены авторитетов патрулем?» (Kai bichoba 2007).

Информанты говорят о смене приоритетов среди молодежи, о том, что «уличных понятий» уже не придерживаются последовательно. Приведу пример из интервью: «Сейчас очень редко, потому что такое правительство, уже редко увидишь dzveli bichi на улице. Сейчас какая молодежь? Они хотят хорошую машину, девочек, ну уже что-то европейское начинается. Сейчас трудно встретить человека, который был бы настроен на эту идеологию» (И.Д., мужчина, 21 год, студент).

Интересно, что «европейское» здесь противопоставлено dzvelbическому.

---

13 Слово «беспредел» («беспредели» по-грузински, где «и» — маркер именительного падежа), употребленное здесь, вошло в грузинский разговорный язык из русского блатного жаргона. Оно означает ничем не ограниченный произвол, ничем не сдерживаемое доминирование одной силы, отсутствие инстанции, которая могла бы по закону и справедливости разрешить конфликты. Когда работают «понятия», на них можно опереться: это нормы обычного права, и существуют инстанции, которые обеспечивают реализацию этих норм. Когда понятия не работают, начинается беспредел.

Тот же информант, стремящийся показать, что обладает обширным уличным опытом, привел показательный пример, иллюстрирующий, по его мнению, изменения в сознании молодых людей. В 2005 году Михаил Саакашвили инициировал создание так называемых «лагерей патриотов» — финансируемых государством летних лагерей для подростков. Провозглашаемые цели этого проекта — привить молодежи чувство национальной гордости и способствовать решению социальных проблем. Каждый год, когда лагерный сезон закрывается, президент лично обращается к «патриотам» с речью. В качестве составляющей части социальной молодежной программы молодым людям была предложена возможность заработка — выполнение работ по городскому благоустройству, которые включают, главным образом, уборку улиц и озеленение города. Участвующие в программе подростки должны надевать форму, идентифицирующую их как участников. Информант комментирует участие подростков в программе следующим образом:

Сейчас совершенно другое. Раньше кто сделал бы это, 16–15-летний парень, студент, кто бы вышел на улицу и надел бы форму... или девушка... и начал бы мести и убирать улицу, вот сейчас что начали эту занятость. Это что за патриоты вообще! Если бы раньше кто-то такое сделал, это было короче, ну... Его жизнь была погублена, могли убить. А сейчас ведь видишь, молодежи на все это наплевать. Как будто вздохнули, не знаю, они очень свободно, уже никто не напряжен, никто не подойдет и не скажет: «Что на тебе это вот одето, парень?» Такого больше не происходит. Второй тоже это наденет... Совсем другие рожи приходят (И.Д., мужчина, 21 год, студент).

Нужно пояснить, что любое сотрудничество с государством (государственная служба, служба в армии или даже обучение в государственном учебном заведении) однозначно осуждается в рамках уличных понятий. Считается, что наличие такого опыта в биографии исключает возможность построить воровскую карьеру. Информанту, чей период *бичоба* приходится на конец 1990-х годов, возможность добровольного участия подростков в таких государственных программах кажется удивительной.

Во время моей поездки в поле в августе-сентябре 2007 года мне редко удавалось наблюдать биржи на улицах города. Некоторые тбилисцы, узнавая о моем интересе к убанским биржам, даже выражали скепсис по поводу самой возможности найти их в современном городе. Не вызывает сомнения, что число бирж уменьшилось по сравнению с описываемым периодом (вторая половина 1970-х — конец 1990-х годов). Как уже было сказано выше, среди моих информантов не было ни одного человека младше двадцати лет. По причине ограниченности выборки, времени, а также летнего периода, когда многие школьники уезжают из города¹⁴, не удалось побеседовать на тему улицы ни с одним подростком. Поэтому мне сложно описать, как изменилось это явление с тех пор, как самые молодые из моих информантов перестали участвовать в биржах. Значительные перемены,

---

14 Учебный год в Грузии начинается в начале октября.

происходящие в грузинском обществе сегодня, и повысившаяся по сравнению с предыдущим десятилетием географическая и социальная мобильность молодых людей могли стать причиной того, что та сфера их жизни, которая раньше была закреплена за биржами, поменяла место своего расположения. Вероятно, можно говорить даже о постепенном ее исчезновении.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Волков, В.В. 2005. *Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ*. М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ.
- Даль В.И. 1955. *Толковый словарь живого великорусского языка*. М.
- Ефимова, Е.С. 2004. *Современная тюрьма. Быт, традиции и фольклор*. М.: ОГИ.
- Олейник, А.Н. 2001. *Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти*. М.: ИНФРА-М.
- Стивенсон, С. 2006. Казанский левиафан: молодежные территориальные группировки и проблема социального порядка // *Отечественные записки* 3(29): 97–110.
- Anderson, Elijah. 1999. *Code of the Street. Decency, Violence and the Moral Life of the Inner City*. N.Y.: Norton Publishers.
- Arsebobs tu ara kai bichi saqartveloshi. 2007. <http://forum.ge/?s=b4c80d250b163ca571d655f1b86d8ba1&f=19&showtopic=33756020&st=0>, 22.01.2008. [*Существует или нет как бичи в Грузии*].
- Bavshvebi qvekanashi, romelic modzaladeebs ekutvnit. 2007. www.opentext.org.ge/07/new-7day/18/18-15.htm, 22.01.2010. [*Дети в стране, которая принадлежит насильникам*].
- Bregadze, L. 2005. *Kartuli jargonis leqsikoni*. Tbilisi [*Словарь грузинского жаргона*].
- Bughadze K. 2004. *Bolo zari*. Тбилиси. [*Последний звонок*].
- Driessen, Henk. 1983. Male Sociability and Rituals of Masculinity in Rural Andalusia // *Anthropological Quarterly* 56(3):125–133.
- Dzvelbichoba. 2007. <http://forum.avoe.ge/index.php?showtopic=13757>, 12.11.2007. [*Дзвелбичоба*].
- Dzvelbichoba khalkhshi da politikashi, quchuri gagebis gavlena saqartveloshi. 2007. <http://forum.ge/?f=19&showtopic=33747201&st=0>, 12.11.2007. [*Дзвелбичоба в народе и в политике, влияние уличных понятий в Грузии*].
- Garot, Robert. 2006. Inner-City Teens and Face-Work: Avoiding Violence and Maintaining Honor // Leila Monaghan and Jane E. Goodman (eds.) *A Cultural Approach to Interpersonal Communication*. Oxford: Blackwell: 294–317.
- Garot, Robert. 2007. "Where you from!" Gang Identity as Performance // *Journal of Contemporary Ethnography* 36(1): 50–84.
- Harding, D.J. 2005. *Neighborhood Violence and the Age Structure of Peer Networks: Socialization of Adolescent Boys in Disadvantaged Neighborhoods*. Population Studies Center Report, University of Michigan, December.
- Jankovski, M.S. 1991. *Islands in the Street: Gangs and American Urban Society*. Berkeley and Los Angeles: University of California. Press.
- Jimerson, J.B., and M.K. Oware. 2006. Telling the Code of the Street. An Ethnometodological Ethnography // *Journal of Contemporary Ethnography* 35(1): 24–50.
- Kai bichoba, qurduli gageba da skhva idiotobebi, saqartvelos didi problema. 2007. <http://forum.ge/?f=19&showtopic=33708587&st=135>, 12.11.2007. [*Как бичоба, воровские понятия и другой идиотизм, большая проблема Грузии*].
- Kai bichebi tsud qvekanashi. 2008. <http://presa.ge/index.php?text=news&i=3115>, 22.01.2010 [*Хорошие парни в плохой стране*].
- Kanonieri qurdebi. 2004. www.sapikhvno.org/viewtopic.php?p=81349&sid=47d7030ecad853705ba7c5bbb8b8b267. 12.11.2007. [*Воры в законе*].

- Koehler, Jan. 2000. *Die Zeit der Jungs. Zur Organisation von Gewalt und der Austragung von Konflikten in Georgien*. Münster: LIT Verlag.
- Mozardta danashauli. 2007. <http://newsgeorgia.ge/online/20070928/42061057.html>, 22.01.2010. [Преступление среди подростков].
- Qurduli mentaliteti, sachiroa tu ara qurduli mentaliteti. 2007. <http://teen.ge/index.php?showtopic=1083>, 22.01.2010. [Нужен или нет воровской менталитет].
- Mtatsminda, <http://mtawminda.piczo.com/?g=30208042&cr=6>, 12.11.2007. [Мтацминда].
- Rok/metal kulturis mimdevrebi da qucha. 2007. [/www.georock.ge/forums/lofiversion/index.php/t15820-50.html](http://www.georock.ge/forums/lofiversion/index.php/t15820-50.html), 12.11.2007. [Последователи рок / метал культуры и улица].
- Saburtaloeli xalxi. 2007. <http://saburtaloelixalxi.piczo.com/?g=27434994&cr=3>, 12.11.2007.
- Saqartvelos prezidentma mikheil saakashvilma sakhelmtsipo teqniki universitetshi zhani kalandadzis sakhelobis auditoria gaxsna. 2005. www.president.gov.ge/print_txt.php?id=341&l=G, 22.01.2010. [Президент Грузии Михаил Саакашвили открыл в Государственном техническом университете аудиторию имени Жани Каландадзе].
- Tavi ar gaipicho, bicho! 2006. www.times.ge/print.php?id=3331, 22.01.2010. [Не проколись, папень!].
- Vakelebi, <http://vakelebi.piczo.com/?g=46176378&cr=4>, 12.11.2007. [Вакинцы].
- Venkatesh, S.A. and S.D. Levitt. 2000. "Are we a family or a business?" History and Disjuncture in the Urban American Street Gang // *Theory and Society* 29(4): 427–462.
- Vigil, J.D. 1988. Group Processes and Street Identity: Adolescent Chicano Gang Members // *Ethos* 16(4): 421–445.
- Whyte, W.F. 1943. *Street Corner Society*. Chicago: University of Chicago Press.
- 12 tslis mozards dasja upro gaaborotebs. 2008. www.humanrights.ge/index.php?a=article&id=2412&lang=ge, 22.01.2010. [Двенадцатилетнего подростка наказание еще больше озлобит].